

Религиоведение. 2020. № 3. С. 120–129.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 3. P. 120–129.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.3.120-129

¹Каландаров Т.С., ²Васильцов К.С.

Каландаров Т.С.

Васильцов К.С.

¹Институт этнологии и антропологии РАН
119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект 32А
tohir_s70@mail.ru

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера») РАН
190034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
vasiltsov@mail.ru

Сказание о мазарах Кухистана

Аннотация. Личный архив И.И. Зарубина хранится ныне в Институте восточных рукописей (ИВР РАН) в Санкт-Петербурге. Среди заметок этнографического и лингвистического характера в нём имеется рукопись составленного на фарси сочинения «Сказание о мазарах Кухистана» (*Хикайат-и мазарха-йи Кухистан*), представляющего собой своего рода путеводитель по святым местам Бадахшана (как таджикского, так и афганского), в котором помимо описания мазаров приводятся связанные с ними легенды и предания, а также кратко сообщаются сведения о ритуалах и обрядовых практиках, совершаемых во время паломничества. Рукопись следует считать уникальной, текст прежде не издавался. Рукопись полная, без дефектов. Почерк – чёткий наста'лик; бумага – серая, европейская. Пагинация европейская, добавлена позже, возможно, самим И.И. Зарубиным. Количество листов – 16; размеры листов – 12,0x19,0 см. Автор и переписчик неизвестен. Время составления – начало XX в. (получена И.И. Зарубиным в 1914 г., возможно, этот год и следует считать временем составления рукописи). В результате исследования с большей или меньшей уверенностью можно утверждать, что данный список является уникальным, во всяком случае, в опубликованных к настоящему времени каталогах и описаниях персидско-таджикских рукописей это сочинение не указывается. Точная датировка, обстоятельства составления трактата, как и его автор, остаются неизвестными, в материалах из архива И.И. Зарубина (ИВР РАН. Ф. 126) каких-либо сведений,

которые могли бы пролить свет на историю этого письменного памятника, обнаружить не удалось. Можно, тем не менее, за отсутствием более точных данных, высказать несколько предположений на этот счёт. Само сочинение представляет собой фольклорный нарратив, в котором зафиксированы бытовавшие в устной форме легенды и предания о святых местах Бадахшана. Текст, если только он не был составлен по личной просьбе И.И. Зарубина кем-то из местных образованных исмаилитов, относится к корпусу литературной продукции памирской исмаилитской общины, к слову сказать, до сих пор мало исследованной в европейской научной традиции. В настоящей работе мы публикуем русский перевод рукописи, а также некоторые, необходимые с нашей точки зрения, краткие комментарии к нему. Кроме перевода источника в статью даётся филологический и этнографический анализ текста и обрядов, встречающихся в источнике. Источник даёт нам некоторые представления о распространении исмаилизма в горном Бадахшане. Конечно, значение данной рукописи не ограничивается проблемами лингвистики. В ней затрагивается множество культурологических тем. В частности, очень интересна проблема сравнительного анализа одноимённых святых мест Таджикистана с аналогичными местами на других территориях и культурных ареалах иранского мира современного Афганистана, Узбекистана и, возможно, Китая. К сказанному добавим только, что в условиях Бадахшана, где в силу исторической традиции фактически не существует распространённой в других регионах мусульманского мира сакральной архитектуры (мечетей), святые места играют особую роль, превращаясь в своего рода порог, который связывает профанную и священную сферы бытия, место, где человек получает возможность непосредственного общения с божественным.

Ключевые слова: мазары, святые места, Бадахшан, Памир, Зарубин, исмаилизм

¹ Tokhir S. Kalandarov, ² Konstantin S. Vasil'tsov

¹ The Institute of Ethnology and Anthropology of RAS
32A Leninskiy prospect, Moscow, Russia, 119991;
tohir_s70@mail.ru

² *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkammer) of RAS*
³ *Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, Russia, 199034*
vasiltsov@mail.ru

A Tale of the Mazars of Kuhistan

Abstract. The personal archive of Ivan Ivanovich Zarubin (1887–1964) is currently kept in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM, RAS) in St. Petersburg. Among the many ethnographic and linguistic notes, there is a Persian manuscript “A Tale of the Mazars of Kuhistan” (*Hikayat-i Mazarha-i Kuhistan*), which is a guide book to the holy places in both Tajik and Afghan Badakhshan. The work includes some legends and tales attached to the shrines (sing. *mazar*) as well as information about the rituals and ceremonial practices performed by pilgrims to the shrines. In this work we publish the Russian translation of the manuscript of “A Tale of the Mazars of Kuhistan” along with the small number of annotations we felt necessary to provide for a clearer understanding of the text. In addition to the translation, this article provides a philological and ethnographic analysis of the text and of the rituals mentioned in the manuscript. To a certain extent, the text enriches our understanding of the spread of Ismaili beliefs in the mountainous region of Badakhshan. The manuscript, of course, is of great significance in the field of linguistics, but it also deals with many culturological themes, and in particular the text raises issues regarding comparative analysis of eponymous holy places of Tajikistan with analogous places elsewhere and cultural area of the Iranian world of modern Afghanistan, Uzbekistan and probably China. Finally, attention should be given to the specific historical and anthropological characteristics of Badakhshan. Due to the region’s mountainous terrain, its peoples’ historical traditions and a dearth of monumental sacral building activity, these local shrines have come to operate as geographical thresholds where the profane and the sacred spheres of existence meet and where a human being is able to seek direct contact with the divine.

Key words: Mazars, sacred sites, Badakhshan, Pamir, Zarubin, Ismailism

В начале 2000-х годов авторы статьи в архиве И.И. Зарубина обнаружили рукопись «Сказание о мазарах Кухистана» (*Хикайат-и мазарха-йи Кухистан*). Автор сочинения, обстоятельства и причины его составления неизвестны. На основании самого текста рукописи можно, тем не менее, предположить, что он написан образованным человеком из числа местной интеллигенции, владевшим литературным фарси, хотя в тексте и встречаются ошибки, а стиль изложения в целом довольно прост и незатейлив. На «памирское происхождение» документа указывает лексический состав сочинения, ряд грамматических форм, а также некоторые фонетические особенности памирских языков, нашедшие отражение в тексте.

С точки зрения содержания сочинение является изложением фольклорного понимания святости и почитания святых, с его неизбежным расхождением с «канонической» мусульманской традицией, в том виде, в котором она зафиксирована в классических произведениях жанра «житийной литературы». В нашем случае речь, главным образом, идёт о чудесах или подвигах святых, а также формах (обрядовых действиях, иеротопиях), в которых выражается и реализуется почитание святых.

Священные места, где захоронены выдающиеся религиозные персонажи, обыкновенно называют арабским термином *мазар*, персидским *зийаратгах* (букв. «место посещения/совершения паломничества») или *остон*.

К особой категории мест поклонения относятся кузницы, на что, в частности, указывает в одной из своих работ [Зарубин, 1926, 1166–1170]. По его сведениям, почиталась не только кузница, но и само место, где она располагалась, за которым закреплялся статус *locus sacra* [Зарубин, 1926, 1166].

Священное пространство определённым образом выделяется из обыденного пространства, т.е. создаётся и организуется человеком, при помощи различных средств – архитектурных форм, ритуальной утвари, совершением обрядовых действий, организацией света и запахов.

Как уже говорилось выше, автором рукописи был местный человек и влияние его родного языка (скорее всего, шугнанского) явно прослеживается в тексте. Это влияние проявляется и в фонетике и в грамматике текста.

Произношение жителей Памира чувствуется, в первую очередь, в написании буквы х. Там, где в таджикско-персидских словах есть буква х, памироязычные люди (особенно шугнано-рушаноязычные), исключают её, а там где она отсутствует, наоборот, добавляют. Например, в рукописи слово *амон* вместо *хамон* (тот самый),

оло вместо холо (ныне), или вместо буквы ь использование буквы х – махвоҳ вместо маъво (обитель) и т.д. является характерным явлением для языка жителей Западного Памира.

В данном тексте в схеме предложений видны элементы восточноиранских языков, когда член предложения меняет своё место в структуре. Структура некоторых фраз, даже написанных на таджикском языке, имеет в своей основе структуру, характерную для шугнанского языка. Например, *майда санғҳо* (вместо *санғҳои майда* – маленькие камешки), *пеш вақт* (вместо *ба ҷои вақти пеш* – прежние времена), *пухта мекунад* (вместо *мепазад* – готовит) и т.д.

В двух местах автор использует явно шугнанские термины: *виздоҷ жир* – тадж. *санги манҷаниқ* (катапульта), *остон нахтид* – тадж. *боздид аз мазор* (встречи с мазаром).

Вместе с тем, рассказчик использует и сугубо таджикские литературные термины, такие как *мешурид* (искал), *ноҷур* (больной) и т.д.

Перевод

И так, жил один *вали*¹, которого называли *Имам*², он с детских лет обосновался в Кухистане и путешествовал по разным областям и районам Кухистана. Спустя некоторое время люди узнали о его деяниях. Часть из них хотела, чтобы он стал правителем Кухистана, другие пребывали в сомнении [в отношении этого]. Так, по словам местных жителей, он путешествовал три года, и, наконец, прибыл в пределы Гунда и обосновался в местечке Сардем. Его называли счастливым именем Имам Мухаммад Бакир, и он иногда пребывал в сокрытии, а иногда нет. По этой причине [некоторые люди] не верили, что он и есть Имам Времени. Всему тому, что говорил Хазрат-и Имам, часть людей верила, а часть пребывала в сомнении, так в течении некоторого времени он и пребывал в Сардеме. И в этом местечке находилась одна пещера, а неподалёку от пещеры был родник, и [однажды] он сказал людям: «Я уйду в пещеру, всякий раз, когда кто-либо будет причинять вам зло, пусть один человек подойдёт к пещере и громко крикнет, в тот же миг я явлюсь к вам и избавлю вас от беды». Сообразно сказанному, он скрылся в пещере, а люди так и остались разногласить, и те из их числа, кто не верил Хазрат-и Иمامу, меж собой вели такие речи, что-де, разумеется, он солгал нам, мы его испытаем. Словом, одному человеку повелели отправиться к пещере и поднять крик. Те же из людей, которые верили Хазрат-и Иمامу, сколько ни возражали против этого, неверующие так и не согласились. Вызвали человека, он отправился к пещере и громко прокричал, и около часа затем люди наблюдали [за пещерой], пока неожиданно из пещеры не появился всадник в зелёных одеждах. Он был при полном вооружении: меч, палица, копьё – всё, что в битве может пригодиться; все увидели и его лошадь. Он пошел в пустыню и направлял своего коня во все стороны света, и всматривался, однако никого, кроме людей, которые были с ним, не обнаружил. Хазрат тотчас понял: «Люди мне не поверили и меня испытывали». С тем вернулся он, подошёл к входу в пещеру и сказал людям: Иногда [вы будете] вместе, иногда порознь, т.е. постоянно в покое пребывать не будете. Иногда в покое, иногда нет». Сказав эти слова, он вошёл в пещеру и исчез. После этого люди поверили, что живой и сущий имам и был тот самый человек, впрочем, проку в том уже не было, дело было упущено. После этого на том месте построили здание, устроили *зийаратгах*, и стали там приносить жертвоприношения, а тех, кто проживал поблизости от этого места, стали называть *шейхами* мазара, и часть пищи, которую готовили в качестве жертвоприношения, отдавали шейхам. Когда же случалось, что готовили быка или барана, или же приносили деньги или иное какое имущество, то всё это шейхи также делили меж собой. Таков обычай Хазрат-и Имам Мухаммад Бакир, а обязанность *шейха* состоит в том, чтобы прибираться на мазаре. Если какая стена здания разрушится, то её *шейх* возводит заново, он постоянно находится при мазаре.

В области Гунд есть также [ещё] один большой мазар, а где находятся другие мазары, я не знаю; в Сучане есть один мазар. Над кишлаком Богиф на вершине горы [находится мазар], его называют Шах-и Вилайат. О нём рассказывают, что в

древние времена на вершине этой горы была крепость, в этой крепости жили кафиры-огнепоклонники и постоянно с вершины горы из крепости наблюдали. Всякого, кто появлялся сверху или снизу, по приказу того падишаха кафиров приводили и убивали. По причине страха перед тем падишахом кафиров никто не мог пройти мимо того места. Однажды со стороны гор появился облачённый в зелёные одежды всадник с мечом на перевязи. [Об этом] известили того падишаха. Падишах повелел одному человеку: «Приведи ко мне этого всадника». Немедля тот отправился [вниз] и, преградив путь всаднику, стал говорить, что вас-де требует [к себе] падишах. Всадник отказался и, поговорив [так] друг с другом, они вступили в бой. [Всадник] своим мечом зарубил того кафира. [Другие кафиры] наблюдали за этим из крепости на вершине горы. Навстречу всаднику послали несколько могучих воинов и богатырей. Приблизившись к [всаднику], они ринулись в бой. Тот всадник в одиночку порубил их всех своим мечом, а падишах кафиров, испугавшись его, вернулся в крепость, приказал укрепить ворота. Всадник, пустив свою лошадь вскачь, прискакал к крепости. Спешившись, он совершил намаз, [взбравшись] на большой камень. По прочтении намаза он сел на другой камень. Падишах кафиров вместе со своими воинами стали держать совет: нападём, дескать, на него – пока он один, разумеется, мы с ним справимся. Приняв это решение, они, [тем самым], предуготовили свой конец. Тот всадник поднялся со своего места, вскочил на коня и поскакал в поле (равнину) – а в той области было поле – поскакал он в то поле. Войско кафиров, собравшись к битве и оседлав коней, вновь всем скопом поскакало в поле. Когда набросились они на того одинокого всадника, тот обнажил меч, порубил насмерть всех кафиров и, в конце концов, убил также и их падишаха. В живых не осталось ни одного кафира. Закопав их останки, сам он на некоторое время остался там отдыхать. Затем, спустя некоторое время, он покинул это место. В том самом месте, где он совершил намаз, на камень остались отпечатки его головы, ступни и колен, подобно тому, как отпечатывают что-либо или наносят узор на тесте остались поверх камня и следы того всадника. Того всадника называют Шах-и Вилайат. И с того времени на том самом месте на вершине горы устроили место паломничества, возвели строение, а крепость разрушили.

Теперь это называется мазар Хазрат-и Шах-и Вилайат. Подношения ему дедают меж собой шейхи, которые живут при мазаре, его порог всегда подметают и держат в чистоте. Впрочем, всё, что касается мазаров и шейхов связано между собой, а подробности об их делах я не знаю. Мне это хорошо не известно и ничего более я об этом не знаю. На этом рассказ об этом мазаре закончился. Что же до других небольших мазаров в селении Сучан и [области] Гунд, то о них я ничего не знаю. Отсюда прибываем в кишлак Хорог. [На расстоянии] в один *чакрим*³ вверх от кишлака Хорог в пустынной местности есть небольшой мазар, его называют мазар Султанвалад, что означает – сын Султана. И о нём также многим более слышал я рассказов, что-де в древние времена он несколько раз останавливался в этом кишлаке Хорог в этой пустынной местности. Однако в это время в области Гунда в местечке Дахбаста жил некий высокий, сильный и могучий кафир. Здесь он прознал о том человеке и по причине враждебных отношений и злобы в это место не пошёл. Отсюда из пращи он кинул в сторону Султанвалада большой камень. Сперва этот камень ударился об одну гору, затем отскочил в другую гору, [после] отскочив от неё, ударился в земляной холм. Камень разбился на три части, одна из них упала в кишлаке Хорог, однако [в свою очередь] разбилась на две части – из них одна осталась на месте, а другая, перелетев Хорог, упала с другой стороны. Каждая часть этого камня, размером с большой дом, перелетела Султанвалада. Разумеется, одна перелетела на два с половиной или три *чакрима*, а другая упала немного ближе на [расстоянии] в два *чакрима*. Теперь эту историю все рассказывают, а эти камни называются *виздодж жир*, иными словами называются «камень с башни». Что же касается до этого человека, то я не знаю, где он пребывал. После исчезновения того человека на том месте возвели жилой квартал, над ним устроили крышу, а спустя один вечер [люди] увидели, что у квартала крыши нет. Эту крышу возводил ещё три-четыре раза, но всякий раз крыша не сохранялась более одного дня. Так повторялось несколько раз, и всегда этот мазар свой квартал оставлял без крыши. Жители Хорога всегда посещают этот

мазар в случае нужды. Весной и осенью все жители кишлака отправляются в пятницу [на этот мазар] с блюдом хлеба, или мяса, или масла. Там они съедают свой хлеб, возжигают *стирахм*⁴, поливают камни мазара маслом, [и] прочтя [суру] Фатиха, возвращаются домой. А в том случае, если испытывают в чём-то нужду, то просят об этом у этого мазара. Все жители кишлака равны меж собой и у этого [мазара] нет *шейха*. Это то, что я знаю отношении этого мазара, и более ничего не знаю. Впрочем, всё, что знал, я написал. Кроме него есть ещё несколько небольших мазаров в пяти местах. Один из [них] находится выше кишлака Хорог. Его называют Нахрпахал, т.е. «нос холма». Люди проходят от того места расстояние в два *чакрима* и спускаются к подножью [горы]. Это между верхней частью [кишлака] Хорог около домов находится большой камень. На нём оставляют небольшие камешки, поливают его маслом и называют мазаром. Названия его я не знаю. Пройдя от того места и проделав путь в один *чакрим* на камне находится ещё один мазар. Его называют кадамгах-и Хазрат-и Шобурхон. Люди проделывают этот путь и совершают паломничество к этому мазару. У него не просят [исполнения] своих нужд и потребностей, а просто совершают *зийарат*. Проходят это место, и на расстоянии в один с половиной *чакрима* [от того места] в саду находятся два больших камня. На них также оставляют небольшие камешки, и к ним также совершают паломничество и называют мазаром. Название его я не знаю.

[Люди] проходят от того места пол *чакрима* [и там] у дома одного человека находится мазар. Там также лежит большой камень, [а на нём] – мелкие камешки различных цветов: красного, зелёного, синего. Кругом их также поливают маслом и совершают паломничество. [Его] называют мазар Сабзпуша. Пройдя от этого места расстояние в один *чакрим* на пути находятся два других мазара. Те подобны другим [мазарам], которые были [прежде], эти подобны этим. Названия их я не знаю. Миновав их и пройдя расстояние в четыре *чакрима*, у равнины Хорога поливают маслом один камень. То место называют малый мазар. В отношении него я ничего не знаю. На расстоянии в половину *чакрима* от него находится камень, на поверхности которого есть след ноги Хазрата Шобуруна. Рассказывают, что в давние времена со стороны Бадахшана прибыли три *каландара*⁵. Правителем этой области был некий кафир. Ему донесли относительно этих каландаров. Этот правитель пребывал в крепости Сафидсанг («Белый камень»). От этой самой крепости было расстояние вверх в пять с половиной *чакримов*. Кафир этот повелел своим людям отправляться и раскидать мост через реку перед этими каландарами. Путь стал закрытым и каландары не могли добраться до этого места. Отлично. И люди немедля отправились и разломали мост. Люди [кафира] всё ещё находились у того места, когда у берега реки появилось три каландара. Один из них был верхом на верблюде, другой – верхом на коне. Правда, это была самка коня, на фарси называют её *байтал*. А третий накинул себе на спину шкуру газели. [Словом] достигли эти три каландара берега реки и увидели, что мост над рекой разобрали. Тогда тот, кто был на верблюде, пустил верблюда по единственной балке, которая осталась от моста. Верблюд прошёл по балке, байтал также прошёл, а тот, кто был пешим, бросил шкуру в воду, сам уселся на шкуру и переправился по воде [на другой берег]. Так все три [каландара] переправились [через реку], а люди того кафира увидели их дело, поспешили к правителю, и, прибыв к нему, всё рассказали. Немедля хаким повелел отломать три ветки живой ивы, чтобы побить каландаров. Тот час отломали три ветки ивы и остались, дело это приказал тот кафир. Он наблюдал приближение каландаров, когда неожиданно живот его опух, стал раздуваться и болеть. Размер его стал таким, что у него не осталось покоя и терпения. В это время каландары достигли ворот крепости. Об этом известили правителя. Он предположил, что [причиной] бедственного его положения являются они. Тот час он призвал их к себе и попросил у них средство от болезни живота. Каландары потребовали, чтобы принесли те палки, которые были приготовлены для их наказания, разрубил их над животом правителя, и все они, те, что были разрублены, станут, если будет на то воля Аллах, лекарством. Веление каландаров исполнили, принесли палки и разрубили над животом правителя. Живот его выздоровел, и он успокоился. У него была лошадь, ту лошадь он подарил каландарам. Они отдали лошадь тому, кто шёл пешком. [В это время] сын правителя

находился в конце кишлака, пройдя оттуда, он явился и встретил на пути каландаров и увидел у них лошадь своего отца. Тот час он в гневе отнял у них лошадь своего отца. Вскочив на лошадь, он поскакал от того места. Он погнал лошадь галопом и упал с лошади. Его нога запуталась в стремени, а лошадь продолжала нестись вскачь. Все части его тела разорвались на куски, ничего, кроме одной его ноги, не осталось. Лошадь прискакала с одной его ногой к отцу. Люди [кафира] вытащили ногу из стремени. Меж собой они решили, что это, должно быть, один из каландаров. [Тем временем], однако, прибыли люди сына [кафира] дабы сообщить о том, что случилось. Повелителя тотчас известили о том, что произошло с его сыном. В кишлаке Бувиж верблюд одного [из] тех каландаров вновь заснул. На этом месте появился родник. Там сделали мазар, то место называют Сарчашма. Снявшись с того места, они прибыли в [расположенный] ниже кишлак. Одного из тех каландаров, который ехал верхом на верблюде, носил имя хазрат-и Шах-Кашан (Шохкошон). Он остановился в этом месте, а другой, который ехал верхом на лошади (*байтал*), отправился в сторону Шахдары и остановился в кишлаке Тусиён. Его звали хазрат-и Шахбурхан (Шохбурхон). Тот из них, кто был пешим, местопребыванием своим избрал кишлак Карондж, по имени его называли хазрат-и Шах-Маланг. Там он обзавёлся женой и у него появились дети и внуки. Их называют *саййидами*⁶. Саййиды, которые происходят из [этого] рода – саййид Шах-Фазил-и Калан (Шохфозили калон) и саййид Йусуф ‘Али Шах и его потомки расселились по различным местам, часть – на том берегу реки, другая – в области Гунд. У Шах-Кашана также было много потомков, из их [числа] Саййид Камран и его семейство, а также Саййид Джа‘фар и его семейство, их много во всяких местах. Что же касается Шах-Бурхана, то у него не было жены, он не оставил [после себя] потомков и родственников. Он стал *вали*. [Однажды] к нему приехал некий человек, спешился и поставил ногу на камень. След его ноги остался на камне. На том месте, в кишлаке Тим, устроили *зийаратгах*. От этого места, пройдя расстояние в половину *чакрима*, достигаем кишлака Лангар, там находятся два *мазара* – кадамгахи хазрат-и Зайн ал-‘Абидин. В одном месте он пребывал в уединении в течение сорока дней, и там устроили мазар. Другой мазар находится у домов, его называют Пристанище Имама. Там же находится и сам Лангар – большое пространство без крыши, его и называют Лангар. Пройдя через него, доходим до [мазара] Хазрат-и Имам Зайн ал-‘Абидин. Там останавливался сам Зайн ал-‘Абидин. А Имам Мухаммад Бакир, [мазар] которого находится в [области] Гунда, был сыном Имама Зайн ал-‘Абидина. Сперва в это место прибыл Имам Зайн ал-‘Абидин и пробыл там несколько лет. Те три каландара находились на службе у Имама. Имам однажды скрылся, а те три человека явили его [людям]. Они совершили множество подвижнических подвигов, [так, что] стала явной их [божественная] благодать. Ничего более, однако, я о его делах не знаю. После того, как Имам исчез и ушёл в сокрытие, там остались его слуги. Каждый из этих трёх человек отправился восвояси, а слуги в том месте возвели дом, устроили махалля и крытые помещения. Там всегда начисто мели [грязь] и прибирались. [Человека, который занимался этим делом] называли шейхом. У него было много потомков. Всё, что [люди] приносят в качестве пожертвования – корову, барана, [другую] животину, передают этому шейху. Их закалывают и, приготовив, отдают всякому несчастному нуждающемуся, а остальное делят между собой. А если случится что из денег или имущества, то это также делят между собой. В месяц мухаррам, взяв с собой *туг*⁷, [ходят] по всем кишлакам и собирают у людей подаяние. Побывав во многих кишлаках и разделив между собой [полученное], тут вновь возвращают на место. Это то, что я знаю о Иمامе Зайн ал-‘Абидине, ничего более я не знаю. Тут есть на нескольких больших мазарах, один – на [мазаре] Зайн ал-‘Абидина, второй находится в кишлаке Вир на [мазаре] хазрат-и Шах-и Сафдар, третий – в кишлаке Карондж на [мазаре] Шах Маланг, четвёртый – в селении Тахмиф на [мазаре] Шах Кашан, пятый – в селении Чагнуд на [мазаре] Шейх Шалар. В области Шугнан на этих пяти больших мазарах есть *туг* и светильник, другие [мазары] *туга* не имеют. мазар. Когда пройдёшь [мазара] Зайн ал-‘Абидина путь в два с половиной *чакрима* в начале кишлака Поршинев, его называют Пахшар. В этом кишлаке по дороге на верх есть один мазар, а перед этим мазаром – источник, возникший чудесным образом

[благодаря] хазрат-и пир-и Сайиид Шах Насир-и Хусрав. [Здесь он] совершил молитву, и от благодати его ног [на этом] месте появился родник. То место превратили в мазар. Когда пройдёшь от того места путь в два *чакрима* в районе Поршинева, будет кишлак Мийаншар. Там также существует мазар хазрат-и пир-и Шах Насир-и Хусрав. В том месте он несколько раз останавливался и там также чудесным образом устроил родник. О нём рассказывают, что сперва Хусрав было именем правителя в каком-то *вилайате*⁸. У него родился сын – пир-и Шах Насир. Его отправили в *мактаб*⁹. Он закончил обучение в *мактабе*. После этого он прочитал множество книг по астрономии и познал всё [в науке] о звёздах и достиг совершенства в [других] науках. Он стал совершенным учёным и [все]знающим мужем. И стал сведущим о всяком деле и всяких тайнах. Он отрёкся от [высокого] положения и места, имущества и дома. Как ни уговаривал и убеждал его отец, он его не слушал и не соглашался [с его доводами]. В смятении он отправился странствовать [в поисках] имама. Вместе с ним в качестве слуг было два три человека. Так скитались они от одного *вилаята* к другому и останавливались в вилайатах на месяц и сорок дней. Промеж жителей каждого *вилаята* они устанавливали и определяли истину и [затем] уезжали, пока не достигли области Бадахшана. О делах Насир-и Хусрава¹⁰ стало известно в Кабуле и было решено его убить. Насир-и Хусрав бежал оттуда и прибыл в государство Бадахшан. В кишлаке Джирм жил один правитель, его имя и слухи о его злодеяниях были известны во всех областях – однажды он наполнил два небольших блюда выколотыми у людей глазами. Жители всякий раз трепетали от ужаса и страха перед ним. Хазрат-и пир-и Шах Насир явился ко двору этого падишаха. Около ворот собралась толпа народу, а один седобородый старец давал собравшимся советы и наставления, а они его слушали. Хазрат-и пир-и Шах Насир также стал внимательно его слушать. Тот седобородый старец показался ему просветлённым [человеком]. Он глубоко призадумался и понял, что это не простой человек: после этого дела возьму ка я подол [его халата] и не отпущу, и, если будет на то воля Всевышнего Бога, этот человек осуществит мою цель и устремление. Так он размышлял, а все [тем временем] из страха перед падишахом слушали советы и наставления старца. Когда он закончил, люди разошлись восвояси, и хазрат-и пир обнаружил, что старец остался один. Тогда он крепко ухватился за подол его [халата] и рассказал о своей цели и стремлении. Седобородый старец сперва испытал его сердце, а затем поведал ему свою тайну. Хазрат-и пир-и Шах Насир достигнув, [таким образом] желаемого, остановился [на некоторое время] в том месте. Старец рассказал Иمامу о положении пира, что дескать, один человек пребывает у высокого порога в надежде на свидание. И спустя некоторое время пир-и Шах Насир удостоился чести лицезреть высочайшую особу. Оба они (Насир-и Хусрав и старец) посетили Иمامа и *Худжджата*¹¹, и стёрли свою скромность в присутствии высокочтимой особы. Старец, который давал советы и наставления, делал это во исполнение веления Иمامа. В то время благородным именем высокочтимого и уважаемого [Имама] называли хазрат-и Мустансирбиллах, а его худжджата называли Баба Саййидна. И были это Имам Мустансирбиллах и худжджат Баба Саййидна. Через некоторое время они отпустили хазрат-и пир-и Шах Насира и он обосновался в Йумгане. Более о делах тех людей ничего не известно. А пир-и Шах Насир после посещения тех высоких особ удалился и стал обладателем сокровенного знания и благодати. У него было два слуги, одного из них звали Сухроб-и Вали, а другого – Малик Джаншах. Малик Джаншах прежде был правителем, по этой причине ему дали имя Малик Джаншах. Оба они были слугами хазрат-и пир-и Насир. Однажды он приказал им: Отправляйтесь в кишлак и возьмите себе мюридов. Они согласились, а пир велел: Каждый из вас пусть не берёт более семи домов [мюридов], этого вам будет достаточно. Они отправились [в кишлак]. Сухраб-и Вали, соответственно тому, что достал пир, взял себе мюридов из семи домов, а Малик Джаншах взял мюридов из семидесяти домов. После этого набрав мюридов, они предстали перед пир-и Шах Насиром и рассказали обстоятельства того дела. Пир немного разозлился и сказал: В одном местечке лежит огромный камень, идите и забросьте его за ворота. Посмотрим, что у вас выйдет. Немедля во исполнение веления пира они отправились [в то место] и выбросили камень. Под этим камнем оказалась большая змея, вокруг которой со всех сторон было [множество] мелких змей, которые жалили её. Она пыталась

[отбиться] от них, однако безуспешно, а они едва не убили её. Слуги внимательно рассмотрев это дело, явились к пир-и Шах Насиру и рассказали, что дескать видели вот такое дело. Пир на это ответил, что та большая змея в миру была пиром, а те мелкие змеи, что жалили её, являются её мюридами. Он истратил их имущество, но их не обучил. По этой причине набирать много мюридов не хорошо. Так он наставлял их. Малик Джаншах стал баба Саййид Махмуд Шах-и Шахдара, а Сухраб-и Вали – баба Саййид Мурсал-и Сучан. После этого саййид Шах Насир прибыл в царство Шугнан и здесь основал призыв к религии. До его прихода сюда [местные] жители исповедовали другую религию и другой *мазхаб* [ислама]. Со времени хазрат-и пир-и Насир они стали исповедовать исмаилитский *мазхаб*. В то самое время он передал книгу «Лик веры» Баба, потомкам Шах Маланга. Везде он пребывал в течении сорока дней. В том месте устроили мазар и там появился источник. О делах пир-и Шах Насир я знаю в этих пределах и сверх этого ничего более не знаю. Перед мазаром, который находится в кишлаке Мийаншар, растут три или четыре больших ивы. Там люди дают обеты/совершают жертвоприношения. Этот мазар посещают только жители кишлака Поршинева, а из других мест сюда не приходят. Мазар так и называют Пир-и Шах Насир. На нём нет шейха, все жители кишлака равны между собой. От того места на расстоянии в один *чакрим* находится мазар, его называют Сабзпуш в конце кишлака Мийаншар, а также есть кадамгах хазрат-и Хизр. Люди совершают паломничество к нему – он находится в начале пути, а выше над ним на вершине горы находится [мазар], его называют Ходжа Бахар. Относительно него я сведений не имею – кому он посвящён, в какой год по весне женщины совершают к нему *зийарат* с лепёшками, молоком и маслом, а в какой год *зийарат* не совершают. Там внутри махалла имеются две старые могилы. Их также называют [могилами] святых, и сами махалля являются древними. Также выше от дома Саййида Шах Фазила на вершине горы находится мазар. От него на расстоянии одного с половиной *чакрима* в кишлаке Кухк находится мазар, [который] называют [мазаром] Саййида Али Хамадани. В том месте устроили два махалля; что же касается истории этого человека, то я ничего не знаю. Пожертвования и приношения, [которые совершаются у этого мазара], жители кишлака всегда делят между собой. Если же жертвуют корову или барана, то их закалывают, а мясо и шкуру каждого из них делят на равные части. Если случится кто из людей нуждающихся, то им отдают только мясо для питания, шкуру не отдают. Порог этого [мазара] подметают и прибирают. А если случается что-либо из любого рода других вещей, то [их] делят на равные доли между собой. И ещё, когда возникают ручьи, к этому мазару приносят хлеб и съедают его. В это время на всех мазарах зажигают стирахм, и вместе с каждым жертвоприношением, которые устраивают, всегда зажигают стирахм, а без стирахма никаких дел на мазарах не устраивают. Необходимо, чтобы каждую пятницу и субботу на каждом мазаре зажигали стирахм, ибо с древних времён [это] было обычаем наших предков. Также необходимо, чтобы в домах в течение двух этих дней побывали учёные люди. Относительно мазара Саййида Али Хамадани я знаю в этих пределах. Отсюда на расстоянии в половину *чакрима* в кишлаке Бахарчиз есть большой камень. На нём – место с отпечатком [копыт] лошади, его называют копыто Дулдула. Дулдул – был верховым конём хазрат-и Али. В течение своей жизни Али не садился на другого коня. Того коня звали Дулдул. Говорят, что на том камне следы его копыт. У этого места не совершают жертвоприношения и подношения. Только во время появления ручьёв на этом месте собирают лепёшки, зажигают стирахм и поливают маслом камень мазара. Неподальёку от него расположен дом, прибирать и содержать его в чистоте входит обязанности имама. Те же, кто съел лепёшки, [после] отправляются восвояси. Это всё, что касается мазара копыто Дулдула. После этого места по дороге вверх к кишлаку Визрам пройдя путь в один *чакрим* будет другой мазар, его также называют Сабзпуш. В этом кишлаке Визрам есть сад, в котором находится камень [размером] побольше, на который положены кучками камни меньшего [размера]. Там также во время появления ручьёв, собираются женщины с [приготовленными] лепёшками, съедают лепёшки и [затем] отправляются восвояси. Пожертвования и приношения не устраивают. Если в кишлаке случится у человека в чём нужда, и ради него устроят жертвоприношения и приношение всякий, кто читает молитву по двенадцати имамам устраивает жертвоприношение и приношение. Ничего больше о

нём я не знаю. Оттуда до кишлака Ёмч расстояние в три *чакрима*, там находится [мазар], который называют мазар Шах Талиб Сармаст. Около него видны подношения и пожертвования жителей кишлака Ёмч. На этом мазаре мужчины и женщины проводят *зийарат*. Два или три человека являются [в этом кишлаке] сайидами. Во время появления ручьёв обычаи на этом мазаре одинаковы с другими местами. О нём я также не знаю, что он был за человек, какое совершил чудо, только имя и подношения ему. Более ничего не знаю. Отсюда на расстоянии шести *чакримов* в кишлаке Буни находятся два небольших мазара, названия которых и их истории я не знаю. Отсюда на расстоянии три *чакрима* находится кишлак Сохчарв. Там есть два небольших и один большой мазар, который Пир Навтуман. Этот мазар расположен внутри высокой и труднодоступной горы. К этому мазару нельзя приближаться, разве лишь тому, кто воздерживается от дурных дел и [истинно] верующим. Для него путь к мазару оказывается лёгким. Этот мазар, который называют Пир Навтуман, тот самый человек был хазрат-и имам Хусайн. Ему принадлежало войско Навтумана. На той скале есть отпечаток ворот. Имам на некоторое время останавливался на этой горе. По этой причине там устроили мазар. Жители кишлака устраивают жертвования и приношения и делят между собой. Люди из других мест приношений сюда не приносят, а жители кишлака [в свою очередь] в другие места приношения не носят. По весне, когда наступает время отправляться на летовку, люди приносят лепёшки к мазару, возжигают стирахм, съедают хлеб, произносят фатиху и отправляются восвояси. Все мужчины и женщины собираются в том месте и ничего другого не делают, только «*остон нахтид*», т.е. поднимаются к мазару, на этом их дела заканчиваются. Отсюда на расстоянии пятнадцати *чакримов* в кишлаке Бачуд есть другой мазар, его называют Ходжа Никбахт. С ним всё обстоит также, как и с другими мазарами, на всех мазарах устраивают приношения, возжигают стирахм и совершают другие вещи – всё это одно дело и один обычай. Теперь я укажу названия мазаров места, [где находятся] мазары. Теперь я запишу мазары области Рушан. Сперва в кишлаке Ёмц [находится] большой мазар, в [котором] есть два-три махалля. Его называют Мушкилкушо. В кишлаке Вомар также есть мазара с двумя-тремя махалля, его называют Шоталиб (Шах Талиб). В Баррушане [в горах] выше кишлака есть большой мазар, его называют Чилтан, а также ещё один мазар на другом берегу реки в кишлаке Римидон-и дарра, его называют Нога Ходжи. Это очень большой мазар. Люди из разных мест приходят на этот мазар, чтобы обратиться с просьбой. Из Шахдары, Гунта, Сучана, Хорога, Поршинева и других мест всякая женщина, у которой нет ребёнка или же ребёнок родился, но умер, приносят в качестве подношения корову или барана к этому мазару Па-йи Ходжа. Спустя три-четыре года, когда [ребёнок] подрастает, женщина в тоже самое время берёт своё приношение и отправляется к этому мазару. Вместе с шейхами мазара она приносит своё приношение к этому мазару. Шейхи читают фатиху. После фатихи склоняет голову в поклоне у порога мазара и высказывает свою просьбу. Внутри мазара есть навесы, если материя зашевелится, шейхи говорят, что желание ваше исполнится. Если же останутся неподвижными, шейхи ничего не говорят. Однако у большинства женщин после этого дела рождается ребёнок. Некоторые, правда, остаются без надежды. В этом и заключается обычай на мазаре Па-йи Ходжа. В других местах, если где в Рушане и есть мазары, о них ничего неизвестно. Из Рушана попадаешь в [область] Шугнан. На той стороне реки сперва будет кишлак, его называют Чагнуд. Там есть мазар Шейх Салар. Просьбы [с которыми сюда приходят] и все прочие дела здесь сродни тем, что и у других мазаров. После этого в двух других кишлаках больших мазаров нет. Есть, [правда], один в кишлаке Шидвуд, а другой – в кишлаке Фаризи. Но это – маленькие мазары, небольшие. После этих двух кишлаков будет кишлак Дишор. Там есть четыре маленьких мазара. После этого попадаешь в кишлак Падруд, там есть пять маленьких мазаров, а после него в кишлаке Тахмиф есть один большой мазар, его называют мазар-и Шах-Кашан (Шокошон). Тут [который на нём находится], а также просьбы [с которыми на нём обращаются] сродни тем, что и на других больших мазарах. Другой мазар [находится в] кишлаке Куж. Его называют Сарчашма. После этого в кишлаке Нимад есть мазар Сайид Мир-Гул-и Сурх, при нём также есть махалла, это большой мазар. Просьбы [с которыми сюда приходят], здесь сродни тем, что и у других мазаров. После этого будет кишлак Бахшор, там

неподалёку от крепости Бахрпанджа, есть два маленьких мазара. Люди приходят со своими просьбами к этим мазарам. После этого в кишлаке Димургон есть большой мазар с махалла. Его называют Панджа-йи Шах. После него в кишлаке Каронч есть большой мазар, его называют Шах Маланг. А после него в кишлаке Вир есть большой мазар, его называют Шах-Сафдар, а также три больших мазара в кишлаке Шахдара. Первый [из них] – мазар Шах-Бурхана (Шобурон), второй – Балокуф и третий – Шах Абдал (Шоабдол).

Библиографический список

1. Зарубин, И.И. Сказание о первом кузнеце в Шугнанах / И.И. Зарубин // Известия Академии наук СССР. – 1926. – № 12. – С. 1166–1170.
2. Amir-Moezzi, M. A. *The Divine Guide in Early Shi'ism: the Sources of Esotericism in Islam* / M. Moezzi. – Albany: State University of New York Press, 1994. – 310 p.
3. Amir-Moezzi, M. A. *The Spirituality of Shi'ite Islam: Beliefs and Practices* / M. Moezzi. – London: I. B. Tauris, 2011. – 585 p.
4. Corbin, H. *Man of Light in Iranian Sufism* / H. Corbin. – L.: Shambhala, 1978. – 174 p.
5. Dabashi, H. *Authority in Islam, From The Rise of Muhammad to the Establishment of the Umayyads* / H. Dabashi. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1989. – 196 p.
6. Dakake, M. *The Charismatic Community: Shi'ite Identity in Early Islam* / M. Dakake. – Albany: State University of New York Press, 2007. – 338 p.
7. Nasr, S. *Living Sufism* / S. Nasr. – London, Boston: Unwin Paperbacks, 1980. – 166 p.
8. Shaibi, K. *Sufism and Shi'ism* / K. Shaybi. – Surrey: LAAM Ltd, 1991. – 349 p.

Текст поступил в редакцию 17.04.2020.

Принят к публикации 07.07.2020.

Опубликован 08.10.2020.

¹ Вали в этом случае – тот, кто осуществляет посвящение в учение, т.е. имам. Подробнее об этом термине (Corbin, 1978, 134, 149; Nasr, 1980, 45, 95). Представление о близости некоторых положений суфизма и шиизма дальнейшее своё развитие получило развитие в работах Х. Дабаши, К. Шаиби, М. Дакаке, А. Моэззи и др. Подробнее в библиографии.

² Имам в этом контексте духовный лидер исмаилитов.

³ Чакрим равнялось примерно в 1,07 км.

⁴ Стирахм – разновидность благовоний.

⁵ Каландар – дервиш.

⁶ Саййид – из рода Пророка.

⁷ Туз – посох.

⁸ Вилаят – регион, местность.

⁹ Мактаб – начальная религиозная школа.

¹⁰ Насир-и Хусрав (1004-1088) единственный, насколько мы теперь можем судить, значительный автор, составивший корпус своих сочинений в Бадахшане. получил в локальной традиции статус «святого покровителя Бадахшана», обратившего местных жителей в ислам и основавшего здесь исмаилитскую общину.

¹¹ Худжджат – букв. доказательство, иерархический титул в исмаилизме.

References

1. Amir-Moezzi M.A. *The Divine Guide in Early Shi'ism: the Sources of Esotericism in Islam*. Albany: State University of New York Press, 1994, 310 p.
2. Amir-Moezzi M.A. *The Spirituality of Shi'ite Islam: Beliefs and Practices*. London: I.B. Tauris, 2011, 585 p.
3. Corbin H. *Man of Light in Iranian Sufism*. London: Shambhala, 1978, 174 p.
4. Dabashi H. *Authority in Islam, From The Rise of Muhammad to the Establishment of the Umayyads*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1989, 196 p.
5. Dakake M.M. *The Charismatic Community: Shi'ite Identity in Early Islam*. Albany: State University of New York Press, 2007, 338 p.
6. Nasr S.H. *Living Sufism*. London, Boston: Unwin Paperbacks, 1980, 166 p.
7. Shaibi K.M. *Sufism and Shi'ism*. Surrey: LAAM Ltd, 1991, 349 p.
8. Zarubin I.I. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of USSR]. 1926, no. 12, pp. 1166–1170 (in Russian).

Submitted for publication: April 17, 2020.

Accepted for publication: July 07, 2020.

Published: October 8, 2020.